

Наставник, стоявший у входа, дослушал слова Наследного принца и, утирая холодный пот, подумал про себя, что с этим юношей лучше не связываться. Казалось бы, дело касалось лишь простого книжника, но Наследный принц, играя на пылкости юности, в двух словах раздул из этого конфликт между одиннадцатым принцем и Восточным дворцом. И надо же было такому случиться, что он пришел отчитывать одиннадцатого принца именно тогда, когда присутствовала императрица, тем самым противопоставив интересы наложниц и самой императрицы. Он наглухо перекрыл императору все пути к отступлению и лишил его возможности проявить милосердие.

Раньше, наблюдая за ними со стороны, наставник видел, как Сюй Цэ, словно шут гороховый, постоянно провоцировал Сюй Шэна, а тот, храня достоинство Наследного принца, не опускался до его уровня. Но стоило Сюй Шэну один раз нанести удар, как он тут же сокрушил Сюй Цэ.

Император помолчал некоторое время, а когда заговорил снова, в его голосе уже не было прежней мягкости:

— Одиннадцатый, ты действительно перешел границы. Ступай к своей матери, поучись правилам, а когда усвоишь — вернешься.

— Ваше Величество, — подала голос императрица, — отправьте с ним и ту старую наставницу, что воспитывала Сэ-гера в детстве.

Только теперь Сюй Цэ осознал всю серьезность положения. Его собираются приставить к наставнице императрицы! Она души не чаяла в Сюй Шэне, неужели она не сгноит его по приказу императрицы? Лицо Сюй Цэ остекленело, он с глухим стуком рухнул на колени:

— Отец-император, я виноват! Я исправлюсь, клянусь, я буду другим, только... только не надо беспокоить императрицу.

Ледяная маска на лице императрицы растаяла, сменившись доброй улыбкой, которая, однако, показалась Сюй Цэ оскалом дьявола:

— Не беспокойся, я буду спокойна лишь тогда, когда дети будут хорошо обучены.

Линь Аньло украдкой взглянула на них и заметила, что улыбка Сюй Шэна в точности повторяет улыбку его бабушки — вроде бы нежная, но от нее по спине пробегает холодный пот.

Когда Сюй Цэ увели, Линь Аньло последовала за остальными. Император с императрицей, едва увидев любимого внука, тут же принялись расспрашивать его о том о сем, и ей было неудобно оставаться внутри, поэтому она вышла ждать у дверей.

Там стоял наставник. Он тяжело вздохнул, глядя на нее, и, поглаживая бороду, удалился.

Линь Аньло стояла у входа, чувствуя, как тело, охваченное лихорадкой, стало тяжелым, словно налитым свинцом. Побочным эффектом слишком правдоподобного плача оказалась

невыносимая усталость и сонливость. Убедившись, что никто не обращает на нее внимания, она не стала стоять дальше, а, согнувшись, спряталась за каменной статуей цилиня. У подножия статуи была широкая площадка, и рядом с лапой зверя нашлось ровное место. Она забралась туда, прислонилась лбом к холодному камню и всем телом прильнула к статуе, с облегчением подумав, как же это приятно.

Она уснула, прижавшись к камню, и сквозь сон слышала, как кто-то ее зовет, но веки словно склеило густым клеем, и открыть их не было никакой возможности.

Линь Аньло чувствовала себя скверно: все тело ломило, сил не было, нос заложило, приходилось дышать ртом, но горло, кажется, воспалилось, и каждый вдох ледяного воздуха резал его, как нож — сухо и больно.

Сюй Шэн, выйдя наружу, сразу увидел, как его книжник спит у статуи, совершенно потеряв человеческий облик. Он тихо выругался:

— Ну точно свинья, где угодно уснет.

Она была красива, словно морская сирена из старых легенд, но ее поведение и речь всегда оставались до нелепости наивными. Сейчас красавица на постаменте лежала с закрытыми глазами, ее длинные, как крылья бабочки, ресницы слегка подрагивали. Кожа была белой, но щеки горели румянцем, будто на них рассыпались лепестки персикового цвета. Она приоткрыла рот, и губы ее казались сочными и алыми.

Он подошел и позвал ее:

— Чжан Чжуй, пошли.

Те глаза, похожие на драгоценные камни, не открылись.

— Чжан Чжуй, если еще раз уснешь, я тебя здесь брошу, — терпеливо повторил он, но человек перед ним продолжал спать.

Сюй Шэн нахмурился и кончиком пальца коснулся ее губ — дыхание было обжигающим. Ну, значит, жива.

Когда он убрал руку, то случайно задел ее губы. Ощущение мягкости и тепла было таким явным, что Сюй Шэн, словно обжегшись, резко отдернул руку и спрятал ее за спину. Выражение его лица стало суровее, чем когда-либо, а кончики ушей предательски покраснели.

Он сделал вид, что разозлился, и холодно произнес:

— Чжан Чжуй, если не умерла, не притворяйся мертвой, вставай.

Ее тело дернулось, она нахмурилась и начала тяжело дышать, словно выброшенная на берег рыба. Вид у нее был болезненный, и Сюй Шэн, вспомнив ее слова о простуде, тоже нахмурился.

— Ты, — окликнул он стражника, но, заметив, что тот украдкой разглядывает его книжника, Сюй Шэн раздраженно бросил: — Проваливай.

Стражник, которого непонятно зачем позвали, а потом еще и прогнали, остался стоять в недоумении.

В конце концов, Сюй Шэн приказал двум служанкам отнести Линь Аньло в Императорскую лечебницу, где ее осмотрела женщина-лекарь.

Во сне Линь Аньло чувствовала, как ее куда-то несут, и, опасаясь беды, из последних сил приоткрыла глаза. Увидев четкую линию подбородка Наследного принца, она почувствовала, как тревога отступила, словно огромный камень свалился с души, и, успокоившись, снова погрузилась в глубокий сон.

Проболев три дня, Линь Аньло вернулась в Академию. Она заметила, что любопытных взглядов стало гораздо меньше, зато отношение к Сюй Шэну стало еще холоднее: если раньше кто-то хотя бы вежливо здоровался, то теперь даже приветствия почти исчезли.

Другие юноши смеялись и дурачились, а он, словно одинокий волк, каждый день с бесстрастным лицом, высоко подняв голову и выпрямив спину, как старая сосна, входил в класс, а после уроков так же в одиночестве уходил, нигде не задерживаясь. Никто не приглашал его играть после занятий.

Только со своим книжником он изредка позволял себе улыбнуться, в остальное же время всегда оставался серьезным. Книжник Наследного принца выглядел довольно беспокоенно, но вела она себя прилежно: никогда не смотрела по сторонам, не болтала лишнего, а в перерывах только и делала, что ела, а наевшись — спала.

Линь Аньло: Я не сплю, я смотрю сериалы.

Однажды, когда Сюй Шэн выходил из Академии, он столкнулся в дверях с Су Миньянем. Они замерли друг напротив друга, и никто не хотел уступить дорогу.

Погода становилась все жарче, Линь Аньло перепила чаю и мечтала лишь о том, чтобы поскорее добежать до уборной, но эти двое стояли в дверях уже несколько минут, ожидая, кто первый не выдержит.

Она была в отчаянии! Если она не сходит сейчас, то опозорится на глазах у всех! Стиснув ноги, Линь Аньло мелкими шажками подобралась к спине Сюй Шэна и, набравшись наглости, ткнула его пальцем в позвоночник.

Сюй Шэн слегка повернулся, покосился на нее и наконец открыл свой благородный рот:

— Чжан Чжуй, ты что творишь?

В тот же миг Су Миньянь спросил:

— Ты назвал ее Чжан Чжуй? Какой еще Чжуй?

— Какая тебе разница, какой, — отрезал Сюй Шэн. — Это не твой Чжуй.

— Я обращался не к Наследному принцу.

— Если ты хочешь заговорить с моим книжником, сначала спроси моего разрешения.

Сюй Шэн почувствовал, как его снова тычут в спину маленьким пальчиком, и, не выдержав, схватил эту озорную лапку:

— Перестань баловаться.

Он не осознавал, что ведет себя со своим книжником слишком фамильярно, но Су Миньянь смотрел на них с явным подозрением.

Линь Аньло, умоляюще сложив губы, прошептала, едва слышно, словно комар:

— Можно мне в уборную? Я быстро, сейчас же вернусь, больше нет сил терпеть.

Сюй Шэн не ожидал такого поворота и смущенно ответил:

— Ну и хлопотная же ты... иди.

Он отпустил ее руку, и Линь Аньло, согнувшись, припустила в сторону уборной. Сюй Шэн смотрел ей вслед и думал: как в этой девушке может быть так мало женской скромности? Разве не стыдно говорить о таких вещах?

Впрочем... он посмотрел на свою ладонь.

Та рука была такой маленькой и мягкой, ощущение от нее было...

Голос Су Миньяня прервал его раздумья:

— Похоже, у Наследного принца с книжником отличные отношения. Завидую.